

*В. Д. Алташина**

ПАРАТЕКСТ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ТРАКТАТА МОНТЕСКЬЕ «О ДУХЕ ЗАКОНОВ»**

В статье проводится анализ примечаний русских переводов трактата Монтескье «Дух законов» (1748). Сам автор делает многочисленные сноски, указывая в них источники, приводя цитаты, давая пояснения. После его смерти многочисленные издатели дают свои примечания, закладывая основы прочно утвердившей во Франции традиции комментирования. Если в первых русских переводах (Крамаренков, 1775, 1801; Языков 1809–1804) комментарии отсутствуют, то Е. Карнеев снабжает свой перевод (1839, 1862) обильными рассуждениями; новый перевод 1900 г. точно воспроизводит примечания французского собрания сочинений Монтескье (1875–1879), изданного и прокомментированного Э. Лабулэ, а издание 1955 г. комбинирует примечания Монтескье и Лабулэ, сильно их сокращая и добавляя новые краткие пояснения. В 1999 г. выходит этот же перевод, но только с примечаниями Монтескье. В 2013 г. выходит репринт издания 1900 г. Анализ примечаний помогает уяснить процесс рецепции трактата «Дух законов» в России и осознать специфику его восприятия в зависимости от исторического контекста.

Ключевые слова: Монтескье, «Дух законов», перевод, примечания, комментарии, Россия.

V. D. Altashina

PARATEXT OF RUSSIAN TRANSLATIONS OF MONTESQUIEU'S TREATISE "ON THE SPIRIT OF LAWS"

The article analyzes the notes of Russian translators of the Montesquieu treatise "The Spirit of Laws" (1748). The author himself makes numerous footnotes, indicating sources,

* Алташина Вероника Дмитриевна, доктор филологических наук, доцент профессор кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; nikaalt@bk.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00247 «Монтескье в отечественной и мировой философии и культуре: история и современность».

quoting, giving explanations. After his death, publishers give their notes, establishing the tradition of commentary in France. If in the first translations (Kramarenkov, 1775, 1801; Yazikov, 1809–1804) there are no comments, E. Karneev supplies his translation (1839, 1862) with ample arguments; the new translation of 1900 accurately reproduces the notes of the French collected works of Montesquieu (1875–1879), published and commented on by Laboulaye; and the 1955 edition combines the notes of Montesquieu and Laboulaye, greatly reducing them and adding new brief explanations. In 1999, the reedition of the precedent translation restores Montesquieu's notes, abandoning other comments. In 2013, a reprint of the 1900 edition was published. The analyze of the notes helps to understand the process of reception of the treatise “The Spirit of Laws” in Russia, depending on the historical context.

Keywords: Montesquieu, “The Spirit of Laws”, translation, notes, comments, Russia.

Так же как «Энциклопедия» для Дидро, трактат «О духе законов» (1748) стал делом всей жизни Монтескье: «Могу сказать, что я работал над ним всю свою жизнь. <...> Но признаюсь также, что труд сей чуть не убил меня; теперь же собираюсь отдыхать, работать больше не буду» [18, р. 15]. Трудясь над своим энциклопедическим сочинением, Монтескье использовал не только собственные знания и опыт, но и обширную научную литературу, отчеты о путешествиях, тексты древних и новых авторов, снабжая текст многочисленными примечаниями. «Сноски и цитаты, указание на источники и на авторитетные труды, служащие основанием для мысли, дополнительная информация, документы подтверждающие или дающие дополнительную информацию: таковы примечания Монтескье, Бюффона, Мишеле или Токвиля» [17, р. 327], — пишет Ж. Женетт, полагая, что именно авторские примечания к дискурсивным текстам являются примечаниями в полном смысле этого слова и основой для всех других. «Главная функция авторских примечаний — дополнение, порой отступление, редко комментарий» [17, р. 329], в них выносятся то, что, будучи включенным в текст нарушило бы его целостность, вызвало бы недоумение. «Оригинальное авторское примечание к дискурсивному тексту, который оно продолжает и которому оно соответствует самой своей формой, является неотъемлемой частью текста, скорее продолжает его, разветвляет и меняет, нежели комментирует» [17, р. 330].

Если авторские примечания неотделимы от самого текста, то комментарии, добавленные издателями, являются дополнением, более или менее важным и интересным в зависимости от позиции, задач и намерений их автора. «Сочинение Монтескье всегда вызывало у издателей страсть к комментированию и уже первые посмертные публикации они в изобилии снабжают собственными примечаниями, давая их вперемежку с авторскими и не всегда четко отделяя одни от других» [14, с. 654]. Например, в 1862 г. трактат выходит с некоторыми наблюдениями Дюпена, Кревье, Вольтера, Мабли, Ла Арпа, Сервана и др., при этом отделить авторские сноски от неавторских оказывается непросто.

Нас же привлекли именно неавторские примечания русских изданий.

Целью данной статьи не является анализ переводческих и издательских стратегий — частично этот вопрос был освещен в статье Н. Ю. Плавинской «Как переводили Монтескье в России?» [16], где исследователь касается в основном первых переводов В. Крамаренкова и Д. Языкова. Однако дать краткий обзор русских переводов представляется необходимым.

В 1775 г. появляется первый неполный перевод, сделанный В. Крамаренковым и переизданный в 1801 [1; 2]. В 1809–1814 гг. выходит четырехтомник в переводе Д. Языкова [3], в 1839 г. появляется новый перевод Е. Карнеева в трех томах [4], переизданных в 1862 г. [5], а в 1900-м — перевод А. Горнфельда [6]. Краткий излоспект трактата был опубликован в серии «Общедоступная философия в изложении Аркадия Пресса» (1902) [7]. Появляются и аналитические труды: в 1782 г. Яков Иванович Шнейдер (1747–1848), правовед, профессор Московского университета, публикует свои «Разсуждения на Монтескиеву книгу “О разуме законов”, или Уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Императорском Московском университете» [16], а в 1870 г. Эдуард Лабулэ (Laboulaye, 1811–1883), выдающийся французский правовед, талантливый публицист и замечательный сатирик, издавший в 1875–1879 гг. семитомное собрание сочинений Монтестье, пишет об этом трактате в серии «Сказки, рассказы, очерки и речи» [12].

Увы, в советской России сей труд не оказывается востребованным — лишь в 1955 г. «О духе законов» был издан в сборнике избранных произведений Монтестье [8]. В примечаниях указывается, что в основу издания «был положен перевод А. Г. Горнфельда — М. М. Ковалевского 1900 г., просмотренный и исправленный А. И. Рубиным по французским изданиям сочинений Монтестье» [14, с. 762]. Проведя частичную сверку двух переводов, можно утверждать, что исправления в основном представлены синонимическими заменами: «возлюбить» [6, с. 2] — «полюбить» [8, с. 160]; «некоторые» [6, с.2] — «те или иные» [8, с. 160]; «моральная» [6, с. 3] — «нравственная» [8, с. 161] и т. п. Однако нельзя не отдать должное А. И. Рубину, который отказывается от порой слишком буквалистского перевода Горнфельда, находя более ясные и понятные читателю формулировки: «носят с собой ключи от своих жилищ» [6, с. 9] — «запирают на ключ свои жилища» [8, с. 166]; «отсюда стремление добывать пищу будет вторым естественным законом человека» [6, с. 9] — «Поэтому второй естественный закон человека — стремление добывать себе пищу» [8, с. 166] и т. п.

В конце XX — начале XXI вв. «Дух законов» издают дважды: в 1999-м [9] и в 2013 г. [10]. Если последнее издание является репринтом 1900 г., то издание 1999 г. воспроизводит перевод 1955 г., восстановив авторские примечания Монтестье в переводе А. В. Матешука. В «Послесловии» составители проясняют свою позицию: «...наша задача состояла в том, чтобы полностью восстановить авторские примечания, исключив из них комментарии издателей» [13, с. 654]. Поскольку авторские примечания неотъемлемы от текста, лишь дважды — в 1900-м (репринт 2013) и в 1999 гг. — текст трактата был издан в России полностью.

Нас же, напротив, заинтересовали примечания русских переводчиков и издателей. Что представляют собой эти комментарии? Являются ли они переводом французских или авторскими? Что, как и зачем комментируют для русского читателя переводчики и составители? На эти вопросы мы и постараемся ответить.

В двух первых переводах (Крамаренкова и Языкова) примечаний нет, а вот перевод Карнеева представляет немалый интерес с этой точки зрения. Егор Васильевич Карнеев (1773–1849) — генерал-лейтенант, директор Депар-

тамента горных и соляных дел, член совета Министерства финансов, сенатор, переводчик, писатель. Он обучался в двух знаменитых университетах того времени — Харьковском и Московском. В 1837 г. был уволен с занимаемых должностей и либо начал, либо завершил уже начатый им перевод трактата Монтескье. Опыт переводчика у него к тому времени уже был: в Московском университете студентов обучали этому мастерству, регулярно публикуя переводные сборники их творений, а позже он сам переводит с французского различные тексты. Его перевод под названием «Дух законов: Творение знаменитого французского писателя де Монтескью» выходит в трех томах в Санкт-Петербурге в типографии Н. Греча в 1839 г. В 1862 г., уже после смерти Карнеева, точная копия этого издания вновь печатается в Санкт-Петербурге в типографии Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи. Издания абсолютно идентичны, вплоть до нумерации страниц.

Опуская некоторые примечания самого Монтескье, Карнеев часто и многословно комментирует текст трактата, делая помету «Перев.». Мы выделили следующие группы его примечаний: 1) пояснение незнакомых читателю имен и понятий; 2) развитие мысли Монтескье, дополнения; 3) сомнения и несогласие с Монтескье; 4) критика религиозных взглядов (защита христианской религии); 5) критика политических взглядов (защита монархии и критика республики); 6) примечания, касающиеся произошедших изменений, в том числе и в результате Великой французской революции; 7) апология России.

1) Пояснение незнакомых читателю имен и понятий.

Такие примечания являются наиболее типичными и часто встречающимися, однако именно их у Карнеева не много: он поясняет кто такой г. Лов [5, т. 1, с. 30] (так переводчик транскрибирует фамилию автора денежной реформы Лоу); дает определение бенефиции [5, т. 3, с. 223]; уточняет, что под «великим государем» Монтескье имеет в виду Людовика XIV [5, т. 1, с.235], а когда речь идет о духовенстве, напоминает, что это относится исключительно к римско-католическому вероисповеданию [5, т. 3, с. 42, 46). Карнееву не приходит в голову комментировать имена: текст предназначен для читателя, знающего, кто такой Сократ или Ксенофонт.

2) Развитие мысли Монтескье, дополнения.

Чаще переводчик дополняет мысль Монтескье своими рассуждениями: о роскоши [5, т. 1, с.175], добродетели и распутстве [5, т. 1, с.176], об общности имений мужей и жен [5, т. 1, с. 192], о грабежах в Лондоне [5, т. 1, с. 271] или римском управлении [5, т. 1, с. 321], о голландцах и векселях [5, т. 2, с. 300), о процентах в Англии [5, т. 2, с. 322] или о том, что девицы могут выходить замуж без родительского согласия [5, т. 2, с. 342]. Не вполне соглашаясь с Монтескье, когда тот пишет о влиянии климата на воздержание женщин, он приводит иные причины, прежде всего безнравственность [5, т. 2, с. 95]. Рассуждения Монтескье о влиянии климата ему в принципе не вполне понятны, и он снабжает главу 13 книги XIV сноской, в который пытается анализировать движение мысли автора, делая вывод о том, что умственные способности и дарования от климата не зависят [5, т. 2, с. 49]. Полагая, что доводы автора

убедительны, но не полны, не совсем ясны, или признавая их правильность, Карнеев дополняет, приводит новые сведения, предлагает свою трактовку авторских мыслей. Отметим одно любопытное примечание, в котором проявляется тенденциозный дух переводчика, верного защитника государства и религии. Вот что он думает о сатирических сочинениях:

Нет сомнения, что сатирические сочинения не вредны, но надобно различать, какого они рода. Если в них описываются вообще страсти и недостатки человеческие, то их надобно допускать; но когда в них именуются лица, выставляются первые буквы их имени или звания, делаются ясные намеки на их поступки, критикуются распоряжения правительства, а особливо когда в них заключается посредственно или непосредственно кощунство против нравственности и религии, то подобные сочинения нигде терпимы быть не должны [5, т. 1, с. 344].

Думается, что «Персидские письма» вряд ли нравились переводчику «Духа законов»!

Наконец, следует привести и последнюю сноску (кн. XXX, гл. 1):

В прежнем переводе сего творения XXX и XXXI книги пропущены, вероятно потому, что относятся исключительно к западной Европе. Но кто внимательно их прочтет, тот найдет в них много занимательного, и часто весьма сходного с древними нашими законами, нравами и обычаями. Желательно бы было, чтобы кто из ученых наших литераторов, вникнув в обстоятельства, описываемые автором относительно Франции, собрал и изложил древний русский быт в том же методическом порядке. Недавно я слышал лекцию, читанную возвратившимся из чужих краев студентом главного педагогического института Иванишевым о головщице (термин древнерусского уголовного права, который мог означать: 1) душегубство, убийство; 2) плату за убийство, взимавшуюся в пользу родных убитого. — С. А.) в древних Славянских законодательствах в сравнении с Германскою виурою. Эта замечательная лекция могла бы составить одну из любопытных статей подобного сочинения [5, т. 3, с. 247].

Е. Карнеев впервые предлагает русскому читателю полный текст трактата, справедливо полагая, что в нем нет ничего лишнего и бесполезного, но при этом он сильно редуцирует авторские сноски, что ведет к нарушению целостности текста.

3) *Сомнения и несогласие с Монтескье.*

Признавая значение трактата Монтескье, Карнеев не раз высказывает и свои сомнения («трудно согласиться» [5, т. 1, с. 42]; «Все, что в главе сей описано, сомнительно» [5, т. 1, с. 44]; «это едва ли справедливо» [5, т. 1, с. 90]; «трудно согласиться с автором» [5, т. 1, с. 94] и т. д.), критикует преувеличения, пристрастные и скороспелые, на его взгляд, выводы («не надо преувеличивать вещей» [5, т. 1, с.78]; «не надобно делать заключений скороспешных» [5, т. 1, с. 236–237]; «суждение автора в сем случае несправедливо» [5, т. 2, с. 98] и т. п.), отмечает смелость авторской мысли («выражение довольно смелое» [5, т. 1, с. 1]; «тоже мысль смелая» [5, т. 1, с. 3]). Переводчик часто признается, что ему трудно понять мысль автора: «непонятно, что под сими словами разумеет автор» [5, т. 1, с. 61, 287]; «трудно понять, что тут автор хотел сказать» [5, т. 3, с.33]; «все это сбивчиво, неясно» [5, т. 1, с. 289] и т. п.

Трудности переводчика вполне объяснимы: сам Монтескье признавал отсутствие очевидной связности в своем труде, призывая читателя искать неявную последовательность, не заикливаясь на частностях, но видеть целое, в его единичной и стройной логике изложения: «В книгах, основанных на рассуждениях, ничего не поймешь, если не понимаешь всю их цепочку» (цит. по: [18, р. 34]), но цепочка Монтескье скреплена невидимыми звеньями, он «не из тех, кто мучительно пробирается по закоулкам аргументации: он смотрит на все с высоты своей башни», охватывая одним взглядом весь пройденный путь [18, р. 34]. Монтескье предлагает читателю / переводчику вообразить эти невидимые звенья, закоулки аргументации, связующие идеи, и эту задачу, с большим или меньшим успехом, пытаются решить его комментаторы. Е. Карнееву это удалось не вполне: он не видит целого, а потому не всегда понимает частности.

4) Критика религиозных взглядов (защита христианской религии).

Как известно, Монтескье был деистом и нередко критиковал исторические религии. Карнеев же, будучи верующим, не принимает его взгляды, защищая христианскую религию [5, т. 1, с. 27, 29, 37, 61] и монашество [5, т. 2, с. 39], отмечая, что Монтескье пишет «в духе философии XVIII столетия, нападавшей на все то, что посредственно или непосредственно относилось к христианской религии, и особенно к духовенству» [5, т. 3, с. 45].

5) Критика политических взглядов (защита монархии и критика республики).

Явный приверженец монархического строя, преданный государю-императору, Карнеев полемизирует с Монтескье, критикуя республиканские идеалы, утверждая, что «заключениям автора на счет республиканского правления не должно слепо доверять» [5, т. 1, с. 16], ибо он явно не беспристрастен. «Поистине, нельзя не удивляться, каким образом в XVIII столетии столь умные люди, каков автор, могли до такой степени быть заражены республиканским духом» [5, т. 1, с. 121]. Все критические замечания Монтескье в отношении монархии и монарха встречаются у Карнеева, убежденного в том, что правление одного лица свойственно природе [5, т. 1, с. 10], решительный отпор. Приводя в пример Россию, он пишет:

Как можно утверждать, чтобы в монархии редко встречались прямо добрые люди, да и те любили бы отечество более для себя, чем для него? Правда, что мы часто движемся (мы сохраняем авторскую орфографию, заменяя неупотребляемые ныне в русском языке буквы. — С. А.) желанием угодить государю и получить почести; но конечно не реже того руководствуемся исключительно любовью к отечеству и рвением к добродетели. Разительным примером тому служит бывшее в 1812 году нападение Наполеона на Россию [5, т. 1, с. 45].

Переводчик возмущается:

Как можно сказать, что в монархическом государстве нечего делать с чистою нравов? Благоденствие во всяком правлении нужно и прилично. Монархи сами пекутся об укоренении его; а потому часто и самые законы на сей счет довольно определительны [5, т. 1, с. 90].

Утверждая чистоту нравов в монархии, Карнеев пишет, что «примеры действуют лучше всякого нравоучения», а там, «где монарх служит образцом благонравия, там и подданные стараются походить на него» [5, т. 1, с. 176]. Везде, где Монтескье показывает преимущества республиканского строя, Карнеев утверждает, что «не можно и не должно делать решительных приговоров, будто благонравие не свойственно монархическому, а свойственно республиканскому правлению» [5, т. 1, с. 191], ибо

люди везде одинаковы. Республиканец столь же честолюбив, столько же любит господствовать над другими, столько же не изъят из всех прочих пороков, как и всякий другой человек, живущий под каким бы то ни было правлением [5, т. 1, с. 78].

В монархии весьма часто особы и из самого высшего сословия, придворные или нет, нисколько не уступят в добродетели никаким республиканцам [5, т. 1, с. 44].

Карнеев проявляет свою преданность царю в годы консервативного правительства Николая I, когда после подавления восстания декабристов с целью предотвращения распространения революционных настроений был ограничен выезд за границу, усилены цензура и тайная полиция. В этих условиях республиканские идеалы Монтескье звучали революционно и требовали комментариев и критики со стороны переводчика, верного царю и отечеству.

6) Примечания, касающиеся произошедших изменений.

Часто Карнеев замечает, что заключения Монтескье справедливы лишь в отношении современной ему Франции, произошедшие же с тех пор изменения, в первую очередь, Великая французская революция доказали их ошибочность [5, т. 1, с. 27, 65, 126, 145, 162; т. 2, с. 23, 204]. К самой же революции и к Просвещению, которое, по убеждению переводчика, ее подготовило, отношение Карнеева весьма и весьма критическое:

Желательно видеть, каково было бы государство, составленное из Вольтеров, Руссо, Белей, Дидеротов, Гельвециев и проч. Плодом их учения была чудовищная Французская революция; сами же они лично славились завистью, злоречием, ненавистью друг к другу, своевољством, неповиновением всякой власти [5, т. 2, с. 11].

В 1830-е гг. русская освободительная мысль развивается весьма активно, появляются различные революционные кружки передовых представителей студенческой молодежи. Но вся революционная агитация сурово пресекается реакционным правительством Николая I: революционные кружки громятся полицией, их участники отправляются в ссылку. Идеологическим обоснованием политики Николая I начала 1830-х гг. становится теория официальной народности, сформулированная С. С. Уваровым, кратким девизом которой стало выражение: «Православие, Самодержавие, Народность». Эта триада возникла как антитезис девизу Великой французской революции «Свобода, равенство, братство» (фр. *Liberté, Égalité, Fraternité*). Е. Карнеев, долгие годы занимавший важные государственные посты, придерживается этой триады в своих комментариях, защищая православие и самодержавие, критикуя революционные идеалы и прославляя Россию.

Приведу весьма характерный комментарий к размышлениям Монтескье о свободе в главе «Разные значения, приписываемые слову свобода» (кн. XI, гл. 2):

Автору, вероятно, и в голову бы не пришло, как соотечественники его перетолковали свободу во время бывшей во Франции революции в конце прошедшего столетия. Прибавлю несколько слов на сей счет. Имя свободы, конечно, приятно слуху нашему, лестно нашему сердцу. Но молодые особенно люди часто не понимают его. Скажу прямо: нам, Русским дворянам, чего еще хотеть? Неужели мы не совершенно свободны? За всем тем, многим еще чего-то более хочется. Англomаны свое твердят, офранцузившиеся полубояре толкуют, сами не зная о чем; либералы требуют чистой вольницы; но что же бы было, если бы мечтания их сбылись? Сохрани нас Бог от подобных толков свободы [5, т. 1, с. 267].

Вспоминает Карнеев и Наполеона, всякий раз стремясь подчеркнуть роль и значение России в победе над ним [5, т. 1, с. 45, 207, 234].

7) Апология России.

В русле теории официальной народности, провозгласившей самобытный путь развития России, Е. Карнеев восхваляет свое отечество. Наиболее развернутые и интересные комментарии (их более сорока) связаны с прославлением России, с утверждением преимуществ российской монархии перед республиканским правлением и перед всеми прежними монархиями. Карнеев часто восклицает: «Слава Богу, что у нас в России нет ничего подобного» [5, т. 2, с. 39]. Прежде всего он отстаивает разумность государственного устройства, справедливость и определенность российского законодательства: «Можно привести здесь в пример превосходство Российских узаконений» [5, т. 1, с. 117], за исполнением которых наблюдает Сенат — «хранилище законов» [5, т. 1, с. 31]. Утверждая, что в отличие от Франции, где министры вмешиваются не в свои дела, «у нас, в России, законы не сей счет очень определительны» [5, т. 1, с. 145], и далее излагает права и обязанности российских министров. Переводчик часто ссылается на российское законодательство [5, т. 1, с. 117, 162, 192, 193; т. 3, с. 71, 72, 98], всякий раз утверждая его разумность.

Карнеев абсолютно уверен в том, что

для подобного государства, как Россия, невозможно придумать лучшей конституции, нежели какую она имеет. Что бы было, когда бы ввести в нее Английский парламенты, присылку народных депутатов и тому прочее? Если в Англии, составляющей малую только часть России, бывает в парламентах столько споров, раздоров, остановок, промедлений по делам, требующих иногда скорого разрешения, то обширная Россия при таком правлении, при таких проволочках, прежде бы пала от внутренних неустройств, нежели бы получила какое-либо исправление [5, т. 1, с. 276].

В очередной раз защищая монархию, он утверждает, что именно Россия может дать поучительный пример того, как народы блаженствуют «под неограниченной властью одного, а не под своевольною властью многих лиц» [5, т. 1, с. 145].

Стоит Карнеев и на защите крепостного права, ибо «едва ли можно учредить управление крепостными людьми на лучшей ноге, нежели как оно учреждено в России» [5, т. 2, с. 7]. Он дает развернутый комментарий к первой главе книги XV «О рабстве», выделяя разные его виды: рабство, невольничество, подданство. Именно последнее «введено в России; оно отнюдь не то, что иностранцы именуют рабством и с распространением просвещения становится у нас едва ли не лучше беззащитной вольности» [5, т. 2, с. 54]. Полагая, что доводы Монтескье об истинном происхождении права рабства неясны и неудовлетворительны, он объясняет

отчего у нас в России введено подданство, которое иностранцы несправедливо именуют рабством. Русский народ издревле был совершенно свободен; но земли принадлежали, по большей части, или правительству или дворянству, и крестьяне жили у того или у другого по условиям на сроки. От частых с одного места на другое переходов усилилось своеволие и страдало земледелие. Цари наши решились однажды навсегда укрепить крестьян, и вот происхождение их подданства. На владение крестьянами постановлены правила; но никогда никому не дано было права поступать с ними, как с рабами или невольниками [5, т. 2, с. 62].

Рабов в России, как выше примечено, нет, а есть подданные, которые однако же не считаются вольными. У нас, как скоро кто из подданных поступит в солдаты, тотчас делается свободным, и наравне с другими пользуется одинаковыми преимуществами: он свободен и по выходе в отставку [5, т. 2, с. 71].

Россия может служить примером того, что «лучше и удобнее в монархических государствах предоставлять им избирать род жизни по желанию, подобно как поступает в России с отпускаемыми на волю нашими подданными или крестьянами» [5, т. 2, с. 79].

Эти взгляды соответствуют деятельности Николая I в направлении постепенной отмены крепостного права, в результате которой была запрещена продажа людей с публичного торга, создана правовая основа отношений крестьян и помещиков, приняты законодательные ограничения произвола последних.

Прославляя Петра I и его реформы, Карнеев упрекает Монтескье в незнании российской истории:

Автор говорит здесь о временах Петра Великого, но говорит, не зная нашей истории. Россия и прежде Петра 1-го не была прямо деспотическим государством; ибо издревле имела законы, в которых всегда упоминается, что государь указал, а бояре приговорили: следовательно правление должно было быть монархическое. Судилища в ней также всегда существовали. Наказания у нас не уменьшены, а только отменена смертная казнь; но не потому, чтобы выйти из деспотизма, а чтобы населить Сибирь; причем обнаруживается само собою и милосердие наших государей [5, т. 1, с. 108].

И далее вновь восхваляет Петра и его политику:

Не только автор, но и многие другие иностранные писатели критиковали поступки Петра Великого, потому более, что не знали характера подвластного ему народа, не знали в точности обстоятельств, в которых он находился. Ему необхо-

димо должно было спешить и принимать сильные меры, потому, чтобы во-первых, переломить закостенелое невежество, и так сказать насильственно преобразовать его; во-вторых, приготовить регулярные войска, чтобы противостоять Карлу XII, и в-третьих, совершить в течение жизни своей все свои планы. Не исполнив сих трех условий, он подвергал государство при себе неминуемой гибели, а после себя новому расстройству. Автор судил о России, как о тогдашней Франции. Других опровержений здесь не нужно [5, т. 2, с. 161].

Переводчик признает справедливость утверждения о важности выбора места для столицы обширной державы:

Автор ничего справедливо не мог сказать. Россия служит разительным примером тому, сколь важно было для нее основание С. Петербурга на севере. Но причиною важности сей должно полагать не одну только храбрость, свойственную северным народам, но преимущественно удобство внешних и внутренних сообщений, распространение в государстве просвещения и образования, а паче всего гений Петра Великого и его преемников [5, т. 2, с. 114].

Петр вызывает особое восхищение переводчика, восхваляющего государя в примечании к главе 13 книги X, посвященной Карлу XII. Монтескье пишет о том, что россияне воспользовались войной как учебною школой, при каждом поражении приближаясь к победе, теряя извне, но ухась защищаться изнутри.

Все то, что говорит автор о Карле XII, едва ли вполне справедливо. Он совершенно умалчивает, каков был его противник. Карлу ничего не стоило разбить нас под Нарвою. Гораздо труднее для него было управиться с саксонцами и другими просвещенными народами, между тем как мы не имели еще тогда никакого образования. Мудрено ли, что Карл не уважил не понял Петра Великого? Но всего любопытнее видеть, как Петр, воюя уже восемь лет, и многократно одерживая верх, был осторожен против Карла, когда сей со всеми силами устремился на Россию, с силами по тогдашнему огромными, доказывавшими предусмотрительность Карла. Петр поступил решительно с одним только Левенгауптом; а после того более восьми месяцев позволил Карлу грабить землю, и несмотря на превосходство сил своих, не вступил с ним в главное сражение, стараясь обессилить его мало помалу. Да и под самую Полтавою, с какими предосторожностями, с каким стратегическим искусством, подступил он к Карлу? Надобно было иметь Петрово терпение, Петрову мудрость, Петрову непостижимую деятельность, чтобы восторжествовать над таким неприятелем. Если бы Александр Великий имел противником своим не Дария а мужа, подобного сколь-нибудь Петру, если бы муж сей был против него столько же осторожен: что бы последовало с Александром и с прославленными его планами? Не то же ли, что последовало и с Карлом? Сверх того, в начале XVIII столетия много ли Россия в воинском искусстве превосходила Персию? Кто мог себе представить, чтобы Россия столь быстро во всем до такой степени переменялась? И как Карла не можно и не должно обвинять в необдуманности, ни в неосновательности предпринятого им намерения. Все его несчастье состояло в то, что он встретил Петра I-го, а не кого другого [5, т. 1, с. 253–254].

Прославляя Петра Великого, военачальника, мудрого и терпеливого правителя, сравнивая его с Александром Македонским, Карнеев тем самым прославляет Россию как величайшую мировую державу.

Переводчик убежден в том, что присоединение части Польши Россией в 1815 г. благоприятно сказалось на развитии этих областей [5, т. 2, с. 214]. В ответ на предостережение Монтескье о том, что завоевание слабой соседней державы не принесет пользы, Карнеев пишет, что с этим можно согласиться только в том случае, если слабая соседняя держава не причиняет «беспокойства державе сильной». Таковы были Крым и Польша, а особенно первый: всегдашними набегами своими на полуденные области России. Посему-то сия последняя и решила наконец присоединить к себе весь Крым и часть Польши» [5, т. 1, с. 238].

В отличие от своих предшественников, Крамаренкова и Языкова, Карнеев не так часто прибегает к купюрам в переводе, опуская негативные для России суждения. Однако на один примечательный случай хотелось бы обратить внимание. В главе 16 книги VI он опускает пассаж о том, что в Московии воров и убийц ждет одинаковое наказание (этот же пассаж выпущен в переводах Крамаренкова и Языкова), но вставляет примечание, где, ссылаясь на конкретные статьи (680 и 681) Российского Свода законов уголовных, утверждает, что «наказания за простой разбой и за разбой с убийством положены разные» [5, т. 1, с. 162–163].

Таким образом, Карнеев использует примечания не для того, чтобы добавить невидимые звенья в цепочке, прояснить мысль автора, которого он сам часто не понимает, но для того, чтобы изложить свои мысли, навеянные французским текстом, и прежде всего для того, чтобы выразить свою монархическую и православную идеологию. Его комментарии представляют несомненный интерес — он единственным из русских переводчиков следует сложившейся во Франции традиции комментирования текста Монтескье, предлагая собственный оригинальный взгляд на текст французского философа.

Новый перевод «Духа законов», опубликованный 1900 г. с глубокой аналитической статьей М. М. Ковалевского был выполнен А. Г. Горнфельдом. Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867–1941) — российский литературовед, публицист и переводчик, один из наиболее заметных литературных критиков своего времени. Окончивший юридический факультет Харьковского университета и одновременно изучавший на филологическом факультете теорию словесности под руководством Потебни, владевший многими иностранными языками, он имел все необходимые знания для перевода трактата Монтескье, с которого начинается его переводческая деятельность: позднее он будет переводить Диккенса, Зегерс, «Легенду о Тиле Уленшпигеле» Костера.

Произведение художника есть... самостоятельное, законченное, уравновешенное целое — система — и оно должно быть истолковано как целое. В противном случае, — если оно не однородно, если оно в своем существе или в частностях противоречиво, — его противоречия должны быть указаны точно, определенно и обоснованно, без умолчаний, без попыток переделать чужое сознание на наш лад и тем приспособить его к нашему толкованию. Оно должно свободно и легко совпадать с нашим пониманием — без натяжек, без затушевывания того, что нам неудобно [11, с. 403], —

полагал он, и это проявилось в его переводе «Духа законов» Монтескье. Как нами было установлено, в основу перевода положен текст 3–6 томов семитомного

издания собраний сочинений Монтескье, изданного Э. Лабулэ в 1875–1879 гг. Издатель снабжает текст Монтескье многочисленными примечаниями, в которых проявляются его энциклопедические знания. Безусловно, перевод примечаний этого издания оказался делом непростым, но чрезвычайно важным: Лабулэ цитирует многие произведения, не переведенные на русский язык.

Как было указано выше, Лабулэ помещает краткое изложение «Духа законов» в третий том издаваемого им сборника «Сказки, рассказы, очерки и речи» (1870) [12], где он пишет: «Персидские письма могут служить нам пояснением к “Духу Законов”. Они — самый надежный комментарий к последнему сочинению» [12, с. 107]. И в при комментировании трактата в семитомном собрании сочинений часто (35 ссылок) ссылается на «Персидские письма». Русский переводчик старательно прибавил номера страниц из русского перевода романа 1892 г. Поскольку комментарии данного издания, несмотря на их большой интерес, являются переводными, мы не будем на них останавливаться.

В XX в. трактат Монтескье был забыт на 55 лет, и новое издание появилось лишь в 1955 г. Оно снабжено примечаниями в конце тома, где их автор прежде всего объясняет незнакомые читателю той поры имена, которые не нуждались в комментариях ранее: Сократ, Солон, Ксенофонт, Теофраст, Страбон и т. п. В очень малой степени сохранены и примечания из предыдущего издания, зачастую сильно редуцированные. Так, если в переводе Горнфельда порядочный человек сопровождался таким разъяснением Лабулэ: «...на языке XVII–XVIII столетий означало человека дворянского происхождения и благовоспитанного. Из таких “порядочных людей” состояло то, что теперь называется хорошим обществом» [6, с. 37], то новый комментарий ограничивается лишь первой частью фразы, опустив благовоспитанность и хорошее общество [14, с. 763], — видимо, лишние в новых социо-исторических условиях. Автор примечаний Р. С. Миндлина дает собственные краткие пояснения, например, о том, что «Монтескье интересуется Ксенофонтом как автором и политическим деятелем, высказавшим ряд ценных суждений об отдельных событиях древней истории» [14, с. 763], или о том, что «Монтескье высоко оценивает Макиавелли, но не согласен с методами макиавеллизма» [14, с. 764]. Большим недостатком этого издания является отсутствие авторских примечаний, которые крайне редко вкраплены в общий список. Таким образом, примечания данного издания объединяют авторские, Лабулэ из издания 1900 г. и Р. С. Миндлиной.

Издание 1999 г. восстанавливает авторские примечания, полностью отказавших от иных комментариев: впервые в России текст предстает в том виде, в котором он был издан Монтескье в 1748 г.

В 2013 г. выходит репринтное переиздание книги 1900 г., которое является наиболее научным и авторитетным на сегодняшний день в России.

Анализ примечаний показывает изменение читательской аудитории: если Е. Карнеев не комментирует многочисленные имена философов, историков, политиков прошлого, полагая, что они знакомы просвещенному и подготовленному для восприятия данного текста читателю, то издатели 1955 г., напротив, самостоятельно комментируют только их — читатель второй половины XX в., увы, не столь образован, как читатель века XIX. А. Г. Горнфельд и М. М. Ковалевский справедливо полагают, что издание Лабулэ с многочисленными

ссылками, цитатами, дополнениями является исчерпывающим, поэтому переводчик берет на себя труд перевести столь важные для понимания текста трактата дополнения.

Итак, наиболее оригинальным с точки зрения примечаний является перевод Е. Карнеева, который использует паратекст для выражения идеологии своего времени. Самым точным — издание 1999 г., восстанавливающее текст Монтескье в его целостности. Самым научным — издание 1900 г. (и его репринтное переиздание 2013 г.), где представлены как авторские примечания, так и многочисленные энциклопедические примечания французского издателя и комментатора Э. Лабулэ.

ЛИТЕРАТУРА

Русские переводы «О Духе законов» Монтескье:

1. Монтескье Ш. Л. О разуме законов / переведено с французского Василием Крамаренковым. — СПб.: При Императорской Академии наук, 1775. — Т. 1. — 424 с.

2. Монтескье Ш. Л. О разуме законов / перевод с французского В. Крамаренкова. Тиснение второе. — СПб.: При Императорской Академии наук, 1801. — Т. 1. — 352 с.

3. Монтескье Ш. Л. О существе законов / перевел с французского Дмитрий Языков: в 4 т. — М.: Издал Василий Сопиков, 1809–1814.

4. Монтескье Ш. Л. Дух законов / пер. Е. Карнеева: в 3 т. — СПб.: Тип. Н. Греча, 1839.

5. Монтескье Ш. Л. Дух законов / пер. Е. Карнеева. 2-е изд.: в 3 т. — СПб.: Тип. Штаба Отдельн. корп. внутр. стражи, 1862.

6. Монтескье Ш. Л. О духе законов, или Об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д.: К чему авт. прибавил новые исслед. о законах рим., касающихся наследования, о законах фр. и о законах феодал. / пер. с фр. под ред. А. Г. Горнфельда, со вступ. ст. М. М. Ковалевского. — СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1900. — 706 с.

7. Монтескье Ш. Л. О духе законов. (Общедоступная философия в изложении Аркадия Пресса; Вып. 4). — СПб.: Паровая типо-лит. М. М. Розеноер, 1901. — 36 с.

8. Монтескье Ш. Л. де. О духе законов // Монтескье Ш. Л. де. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. статья проф. М. П. Баскина; примеч. Р. С. Миндлиной; Акад. наук СССР. Ин-т философии. — М.: Госполитиздат, 1955. — С. 159–733.

9. Монтескье Ш. Л. О духе законов / сост., пер. и коммент. А. В. Матешук. — М.: Мысль, 1999. — 672 с. 10. Монтескье Ш. Л. О духе законов. [Репр. изд.]. (Серия Книжный ренессанс). — М.: Книга по требованию, 2013. — 706 с.

Критические труды

11. Горнфельд А. Г. О толковании художественного произведения // Введение в литературоведение: Хрестоматия. — М.: Высшая школа, 2006. — С. 401–406.

12. Лабулэ Э. О «Духе законов» Монтескье // Сказки, рассказы, очерки и речи: Сб. избр. произведений / [Соч.] Эдуарда Лабулэ. — СПб.: Издание Н. И. Ламанского, 1870. — Т. 3. — С. 95–116.

13. Матешук А. В. Послесловие // Монтескье Ш. Л. О духе законов / сост., пер. и коммент. А. В. Матешук. — М.: Мысль, 1999. — С. 653–655.

14. Мидлина Р. С. Примечания // Монтескье Ш. Л. де. Избранные произведения / общ. ред. и вступ. статья проф. М. П. Баскина; примеч. Р. С. Миндлинной; Акад. наук СССР. Ин-т философии. — М.: Госполитиздат, 1955. — С. 762–768.
15. Плавинская Н. Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское Просвещение и цивилизация России: (Международный сборник). — М.: Наука, 2004. — С. 281–286.
16. Шнейдер Я. И. Разсуждения на Монтескиеву книгу О разуме законов; или Уроки всеобщей юриспруденции, преподаваемые в Имп. Московском университете. — М.: Изданием Н. Новикова и Компании Унив. тип., у Н. Новикова, 1782. — 97 с.
17. Genette G. Seuil. — Paris: Seuil, 1987. — 426 p.
18. Starobinski J. Montesquieu. — Paris: Seuil, 1994. — 221 p.